

СЕРЕБРЯНЫЙ

Блок
Тумилёв

Маяковский
Цветаева

Век
Брюсов

Владимир Владимирович Маяковский
Марина Ивановна Цветаева
Борис Леонидович Пастернак
Николай Степанович Гумилев
Осип Эмильевич Мандельштам
Александр Александрович Блок
Виктор Владимирович Хлебников
Сергей Александрович Есенин
Константин Дмитриевич Бальмонт
Анна Андреевна Ахматова
Андрей Белый
Валерий Яковлевич Брюсов
Игорь Васильевич Северянин
Владислава Капленкова
Серебряный век
Серия «Поэзия под зелёной лампой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69822490

Серебряный век:

ISBN 978-5-17-158175-6

Аннотация

Серебряный век русской поэзии – период появления новых течений, нового взгляда на жизнь человека и историю страны, время поиска иных форм художественного отображения мира.

В этот сборник вошли произведения выдающихся поэтов Серебряного века, стихотворения, ставшие знаковыми для их творчества и положившие начало новым литературным течениям. Строфы представителей русского символизма К. Бальмонта и А. Блока, пассажи акмеистов Н. Гумилёва и О. Мандельштама, яркие рифмы футуристов И. Северянина и В. Маяковского составляют неотъемлемую часть русской поэзии, богатое наследие своего времени. Поэтические строки, соединяясь с биографическими очерками, образуют зримые образы, линии судеб складываются в картину целой эпохи.

Содержание

Валерий Яковлевич Брюсов	8
Я люблю другого	8
Юному поэту	9
Женщине	10
Клеопатра	11
Каждый миг	12
«Я много лгал и лицемерил...»	14
Кинжал	16
Тишина	18
Близким	19
Грядущие гунны	20
К счастливым	22
Хвала Человеку	24
Ангел благого молчания	27
Поэт – музе	29
Будущее	31
Константин Дмитриевич Бальмонт	32
Колыбельная песня	32
«Одна есть в мире красота...»	34
Без улыбки, без слов	35
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	36
Чёлн томленья	38
«Слова любви всегда бессвязны...»	39

Белладонна	40
Безглагольность	42
«Я – изысканность русской...»	44
«Будем как Солнце! Забудем о том...»	45
Я не знаю мудрости	46
Соперники	47
«Я ненавижу человечество...»	48
Завет бытия	49
В зареве зорь	50
Умей творить	51
Александр Александрович Блок	52
«Боже, как жизнь молодая ужасна...»	52
«В моей душе больной и молчаливой...»	54
«Без веры в бога, без участия...»	55
«В болезни сердца мыслю о Тебе...»	56
«Всё настоящее ничтожно...»	57
«Когда мы любим безотчётно...»	58
Молодость	59
«Белой ночью месяц красный...»	61
«Предчувствую Тебя...»	62
«Бегут неверные дневные тени...»	64
«Мы встречались с тобой на закате...»	65
«Вхожу я в тёмные храмы...»	66
«Мне страшно с Тобой встречаться...»	67
Незнакомка	68
Россия	71

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»	73
Скифы	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Серебряный век

© А.А. Ахматова, наследники, 2023

© Н.С. Гумилёв, наследники, 2023

© Б.Л. Пастернак, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Валерий Яковлевич Брюсов

(1873–1924)

Я люблю другого

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький лепет
Полон чар бывшего...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрёк! Ни слова!..
Слышен, слышен шёпот:
«Я люблю другого».

12 июля 1896

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно,

Юноша бледный со взором смущённым!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побеждённым,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свёрнутый, запечатлённый свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина,
ты – ведьмовский напиток!
Он жжёт огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звёздной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечём ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

Клеопатра

Я – Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный
не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои – то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщённого неверной тенью,
Я снова женщина – в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства
 дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя – в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечёт на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдём до чуда!
Этот мир – иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

6 сентября 1900

«Я много лгал и лицемерил...»

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жадой,
Её в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведаль
Её в бездонной полноте, —
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

Кинжал

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен
не вырвешь свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он
и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный
и острый.

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый,
некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,

Едва раскинулись огнистые знамёна,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой
верной стали,
И снова я с людьми, – затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

Тишина

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звёзды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы – горим в кольце змеином,
Мы – два призрака в сияньи
Мы – две тени, две мечты!

4–6 февраля 1905

Близким

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрылённый крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы – гроза, губящая стихия,
Я – голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы – как Рок, не знающий пощады,
Я – ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поёте песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать – я буду с вами! строить – нет!

30 июля 1905

Грядущие гунны

Топчи их рай, Аттила.

Вяч. Иванов

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с тёмных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите весёлое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всём неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,

Унесём зажжённые светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно всё сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904

30 июля—10 августа 1905

К счастливым

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твёрдо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блёкла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, всё то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадёт никто, —
Те вкусят смело, полностью,

сверх меры.

Разоблачённых тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знания,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит,
страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом,
беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идём,
За всё заплатят им, – мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так!
Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904, август 1905

Хвала Человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провёл свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних, вольных океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И, шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств;

Но, отважный, со стихией
После бьёшься с грудью грудь,
Чтоб ещё над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землёй ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
«Будь прославлен, Человек!»

1 декабря 1906

Ангел благого молчания

Молитва

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнёт обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние

Долгожеланной зари!

В тихих глубинах сознания

Светят святые огни!

Ангел благого молчания,

Душу от слов охраняй!

7 мая 1908

Поэт – музе

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днём твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шёпот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет,

каждый вздох счастливый

Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде чёрной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, —
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

Будущее

Будущее!

Интереснейший из романов!

Книга, что мне не дано прочесть!

Край, прикрытый прослойкой туманов!

Храм, чья постройка едва начата!

1922

Константин Дмитриевич Бальмонт

(1867–1942)

Колыбельная песня

Липы душистой цветы распускаются...

Спи, моя радость, усни!

Ночь нас окутает ласковым сумраком,

В небе далёком зажгутся огни,

Ветер о чём-то зашепчет таинственно,

И позабудем мы прошлые дни,

И позабудем мы муку грядущую...

Спи, моя радость, усни!

Бедный ребёнок, больной и застенчивый,

Мало на горькую долю твою

Выпало радости, много страдания.

Как наклоняется нежно к ручью

Ива плакучая, ива печальная,

Так заглянула ты в душу мою,

Ищешь ответа в ней... Спи!

Колыбельную

Я тебе песню спою!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,
Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надёжному сердцу прильни,

Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...

Спи, моя радость, усни!

«Одна есть в мире красота...»

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюблённая мечта,
Не гор тяжёлые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отречения,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Без улыбки, без слов

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем Луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки,
без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,
Погрузились мы в море загадочных снов,
В царстве бледной Луны.

Как отратно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби
по-детски забыть,
И, забыв, что любовь
невозможна для нас,

Как отратно мечтать и любить,
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве вечных снегов,
В царстве бледной Луны.

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шёл, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес
и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси
дремлющих гор,
И сияньем прощальным
как будто ласкали,
Словно нежно ласкали
отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,

Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шёл, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

Чёлн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьётся
Чуждый чарам чёрный чёлн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Чёлн томленья, чёлн тревог,
Бросил берег, бьётся с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Чёлн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

«Слова любви всегда бессвязны...»

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренний – звезда;
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доныне,
И будут первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьянённой,
С другою птицею сплетённой
В летучем беге, в облаках.

Белладонна

Счастье души утомлённой —

Только в одном:

Быть как цветок полусонный

В блеске и шуме дневном,

Внутренним светом светиться,

Всё позабыть и забыться,

Тихо, но жадно упиться

Тающим сном.

Счастье ночной белладонны —

Лаской убить.

Взоры её полусонны,

Любо ей день позабыть,

Светом луны расцвечаться,

Сердцем с луною встречаться,

Тихо под ветром качаться,

В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.

Радость моя!

Радости нет без печали.

Между цветами – змея.

Кто же с душой утомлённой

Вспыхнет мечтой полусонной,

Кто расцветёт белладонной —

Ты или я?

1899

Безглагольность

Есть в русской природе
 усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность,
 безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всём утомленье – глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце просила, но сердце заныло,

И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

«Я – изысканность русской...»

Я – изысканность русской
медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный,
разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зелёного мая —
Всё пойму, всё возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблён
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

1903

«Будем как Солнце! Забудем о том...»

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведёт по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному,
к доброму, к злему,
Ярко стремимся мы в сие золотом.
Будем молиться всегда неземному,
В нашем хотении земном!
Будем, как Солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимном покое,
Дальше, ещё, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты!

Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

1902

Соперники

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином, —
Пока не взойдёт роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени,
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхождении мы будем ступени,
И равны, — пока не полюбим одну.

Тогда мы солжём, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своём.
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только — мой равный! —
пока мы вдвоём.

1903

«Я ненавижу человечество...»

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Моё единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблён в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг – до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

1903

Завет бытия

Я спросил у свободного ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего моря,
В чём великий завет бытия.
Мне ответило звучное море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

1903

В зареве зорь

С сердцем ли споришь ты? Милая! Милая!

С тем, что певуче и нежно, не спорь.

Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.

Вместе оденемся в зарево зорь.

Вместе мы встретили светы начальные,

Вместе оденемся в чёрный покров.

Но не печальные – будем зеркальные

В зареве зорном мерцающих снов.

1910

Умей творить

Умей творить из самых малых крох.
Иначе для чего же ты кудесник?
Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

В лугах расцвёл кустом чертополох,
Он жёсток, но в лиловом он — прелестник.

Один толкачик – знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камней и в обрывках тканей.
Умей хотеть – и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

«Боже, как жизнь молодая ужасна...»

Боже, как жизнь молодая ужасна,
Как упоительно дышит она,
Сколько в ней счастья и горя напрасно
Борются в страшных конвульсиях сна!
Смерти зовёшь и бессильной рукою
Тщетно пытаешься жизнь перервать,
Тщетно желаешь покончить с собою,
Смерти искать, желаний искать...
Пусть же скорее мгла тёмной ночи
Скроет желанья, дела и разврат,
О, как горят прекрасные очи, —
Смерти не рад, жизни не рад.
Страшную жизнь забудем, подруга,
Грудь твою страстно колышет любовь,
О, успокойся в объятиях друга,
Страсть разжигает холодную кровь.
Наши уста в поцелуях сольются,
Буду дышать поцелуем твоим,
Боже, как скоро часы пронесутся...

Боже, какою я страстью томим!..

Февраль – март 1898

«В моей душе больной и молчаливой...»

В моей душе больной и молчаливой
Сложилась песня чудная одна,
Она не блещет музыкой красивой,
Она туманна, сумрачна, бледна.
В ней нет напева, звук её нестройный
Не может смертный голос передать,
Она полна печали беспокойной...
Её начало трудно рассказать...
Она одна сложилась из созвучий
Туманной юности и страждущей любви,
Её напев чарующий, певучий
Зажёг огни в бледнеющей крови.
И счастлив и несчастен бесконечно
Тот смертный, чью она волнует кровь,
Он вечно страдает, радуется вечно,
Как человек, как гений, как любовь!..

20 августа 1898

«Без веры в бога, без участия...»

Без веры в бога, без участия,
В скитаньи пошлом гибну я,
О, дай, любовь моя, мне счастья,
Спокойной веры бытия!

Какая боль, какая мука,
Мне в сердце бросили огня!
Поддай спасительную руку,
Спаси от пламени меня!

О, нет! Молить Тебя не стану!
Ещё, ещё огня бросай,
О, растравляй живую рану
И только слёз мне не давай!

Зачем нам плакать? Лучше вечно
Страдать и вечный жар любви
Нести в страданьи бесконечном,
Но с страстным трепетом в крови!

3 ноября 1898

«В болезни сердца мысля о Тебе...»

В болезни сердца мысля о Тебе:
Ты близ меня проходишь в сновиденьях,
Но я покорен року и судьбе,
Не смея высказать горячие моления.

О, неужели утро жизни внешней
Когда-нибудь взойдёт в душе моей?
Могу ли думать я о радости нездешней
Щедрот Твоих и благости Твоей?

Надежды нет: вокруг и ветер бурный,
И ночь, и гребни волн,
и дым небесных туч
Разгонят всё, и образ Твой лазурный
Затмят, как всё, как яркий солнца луч...

Но, если туча с молнией и громом
Пройдёт, закрыв Тебя от взора моего,
Всё буду я страдать и мыслить
о знакомом,
Желанном образе полудня Твоего.

7 декабря 1898

«Всё настоящее ничтожно...»

Всё настоящее ничтожно,
Серо, как этот серый день,
И сердцу рваться невозможно
Схватить мелькающую тень.

А тени будущего горя
Блуждают вокруг меня, вясь,
И жизнь вокруг кипит, как море,
Из берегов своих стремясь.

Всё настоящее ничтожно,
Сулит мне Зло грядущий день,
И я стремлюсь, когда возможно,
Ловить воспоминаний Тень.

Воспоминанья жизни прежней,
Где вся душа моя цвела,
Где всё немее, безнадежней
Встаёт грядущий призрак Зла!

26 января 1899

«Когда мы любим безотчётно...»

Когда мы любим безотчётно
Черты нам милого лица,
Все недостатки мимолётны,
Его красотам нет конца.

10 февраля 1899

Молодость

Воспоминанье жизни сонной
Меня влечёт под сень аллей,
Где ночи сумрак благовонный
Тревожит милый соловей...

Туда, где мы молились жарко,
Где милый профиль, серых глаз
Зарница, вспыхивая ярко,
Мне выдавала всякий раз...

Туда, где мы, в года былые,
Любили песни напевать
И эти песни молодые
Ночному небу поверять...

И нас тогда во мрак манило
Затем, что где-то в небесах
И на земле безмолвной жило
Блаженство в звёздах и цветах,

А каждой вспыхнувшей зарнице
Могли про тайны говорить
И эти тайны – небылицы —
Самим подслушать... и любить!

8 мая 1899

«Белой ночью месяц красный...»

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполнение тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

«Предчувствую Тебя...»

*И тяжкий сон
жизнейского сознания
Ты отряхнёшь,
тоскуя и любя.*

Вл. Соловьёв

Предчувствую Тебя.

Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне —
и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появление,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт!

И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901

«Бегут неверные дневные тени...»

С. Соловьёву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждёт твоих шагов.

Ты здесь пройдёшь, холодный камень
тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарён – я жду твоих шагов.

4 января 1902

«Мы встречались с тобой на закате...»

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, стограний
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

13 мая 1902

«Вхожу я в тёмные храмы...»

Вхожу я в тёмные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озарённый,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.

25 октября 1902

«Мне страшно с Тобой встречаться...»

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всём уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму – живут, или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имён.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты – там.

5 ноября 1902

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моём стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушён.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чьё-то солнце вручено,
И все души моей излучины

¹ «Истина в вине!» (лат.) – Здесь и далее примечания редактора.

Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы сѣрые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

Скифы

Панмонголизм!

Хоть имя дико,

Но мне ласкает слух оно.

Вл. Соловьёв

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы,

и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас

Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал

И заглушал грома́ лавины,

И дикой сказкой был для вас провал

И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,

Копя и плавя наши перлы,

И вы, глумясь, считали только срок,

Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьёт беда,

И каждый день обиды множит,

И день придёт – не будет и следа

От ваших Пестумов, быть может!

О старый мир! Пока ты не погиб,

Пока томишься мукой сладкой,

Остановись, премудрый, как Эдип,

Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс! Ликуя и скорбя,

И обливаясь чёрной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя

И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,

Никто из вас давно не любит!

Забыли вы, что в мире есть любовь,

Которая и жжёт, и губит!

Мы любим всё – и жар холодных числ,

И дар божественных видений,

Нам внятно всё – и острый

галльский смысл,

И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,

И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далёкий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть – и вкус её, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжёлых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжёлые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

А если нет – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернёмся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!

Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.